

The background of the cover features a sky that transitions from a pale blue at the top to a warm, golden-yellow at the bottom. Several strands of barbed wire are stretched across the frame, with a thick black diagonal line intersecting them from the bottom right corner.

Яков КАПУСТИН

ВЕРЕВОЧКА

ЛАГЕРНЫЕ ХРОНИКИ

Яков Капустин

Веревочка. Лагерные хроники

«Книга-Сэфер»

2017

Капустин Я.

Веровочка. Лагерные хроники / Я. Капустин — «Книга-Сэфер»,
2017

ISBN 978-965-7288-34-3

«Если на воле человеческие мечты и фантазии всё-таки ограничиваются возможностями, способностями и реальными потребностями человека, то в лагере эти фантазии безграничны. У зэка есть прочная опора, на которой держится его самомнение и самоуверенность. Это его несвобода...» «Я встречал не много людей на свете, рассказам которых верил до конца. Обычно человек, если и не врёт, то рассказывает о своей точке зрения, или интерпретированную историю, в которую он искренне верит сам. Но есть люди, которым веришь, что бы они ни рассказывали. И не только оттого, что тебе кажется: они не умеют врать и преувеличивать, но главное - ты убеждён в том, что рассказчик способен сделать то, о чём говорит. И даже больше...»

ISBN 978-965-7288-34-3

© Капустин Я., 2017
© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

Верёвочка	6
Не искушай Господа, бога твоего	11
Убийца Сталина	14
Ласточка	17
Право на убийство	20
Алла Борисовна	23
Кому на Руси жить хорошо	26
С добрым утром, тётя Хая!	29
Вор – имя существительное	32
Овчарка	36
Воровская честь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Яков Капустин
Веревочка
Лагерные хроники
(из записок Марка Неснова)
Книга издается в авторской редакции

Верёвочка

Семён Маркович Соколовский проснулся чуть раньше удара рельсы, сунул босые ноги в валенки, накинул на плечи телогрейку, оторвал от листа газеты четверть с двумя чёрными рамками некрологов и, уже по пути захватив шапку, выбежал из барака. Шаркая валенками по утопанному снегу, он бегом направился к уборной.

Уборная была большая и длинная, сбитая из необрезных досок и побелена известью.

Она стояла метров за пятьдесят от барака и продувалась со всех сторон. От утреннего холодного ветра постройка гудела и скрипела. А её настил от хождения полусонных ээков угрожающе потрескивал. Находиться в ней больше требуемого организмом времени не было никакой физической возможности.

Покинув уборную, Семён Маркович также бегом вернулся в барак, умылся под краном в холодном умывальнике, побрился механической бритвой, и отправился вместе с бригадой в столовую.

Из тридцати членов бригады на завтрак пришло только одиннадцать человек, и пришедшие могли вдоволь поесть негустой перловой каши и запить её горячим кофейным напитком.

Соколовский прихватил свой хлеб, взял пайку дремавшего ещё соседа, ссыпав с хлебца сахарок в кулёчек, и поспешил в барак готовиться к разводу.

Свой хлеб он положил на нижнюю полку в тумбочку, накрыв специальной тряпочкой.

На работе у него складывался неплохой приварок, поэтому всю пайку можно было оставить до вечера.

Зона была рабочая, давно уже не голодала, а потому хлебушек не игрался и не воровался.

Из своих пяти лет Семён Маркович досиживал последний месяц двушки, работал дневальным в конторе лесозавода и, по лагерным меркам, был неплохо устроен.

Он и сам был доволен своим положением, поэтому каждый вечер просил бога, в которого никогда не верил, о том, чтобы в его жизни ничего не менялось, потому что уже летом подошла ему половинка и, при нынешнем раскладе вещей, светило ему досрочное освобождение. Он обоснованно надеялся оставить хозяину своих пару лет, как говорили местные остроумцы.

Дома его ждала жена, дети и внуки. Имелась веская надежда, что начальство снова примет его на овощную базу доработать пару лет до пенсии.

Об этих приятных душе предметах и размышлял Семён Маркович, натягивая телогрейку, на весь свой, скопившийся за два года гардероб, когда, вдруг, его рука, опущенная в правый карман телогрейки, замерла.

По спине прошла горячая волна, и остановилась где-то под левой лопаткой, в горле слегка запершило, почувствовался металлический привкус, а тело само собой опустилось на койку. Умом ещё ничего не было осознано, а весь организм уже почувствовал беду.

В кармане не было верёвочки, которой Соколовский затягивал на поясе телогрейку, прежде, чем натянуть поверх неё ватный бушлат.

Кому-то, конечно, такое событие может показаться настолько пустяшной и низкой ерундой, что и мысль на этом задерживать неприлично, а не то чтобы переживать или привлекать чужое внимание. Но так может думать только глупый дурак, который и зимы-то боится только потому, что не успел купить жене обещанного модного зимнего пальто.

Такому поверхностному человечку и в голову не придёт представить себя в колонне, окруженной автоматчиками и собаками. А уж, о том чтобы ежедневно ходить в такой колонне в течение многих лет, по три-четыре часа, при сорокаградусном морозе с ветерком, ему и приниться никогда не может.

Такие в лагере и найти себя не могут, и погибают первыми.

Для Семёна же Марковича и его попутчиков по дороге на промзону прогноз погоды зимой был самой главной новостью в мире. Уж во всяком случае, много важнее, чем чехословацкие события или урожай в нечернозёмной зоне.

Итак, обнаружив пропажу весьма ответственной части своего гардероба, Соколовский осмотрел все места, где верёвочка могла оброниться, а не найдя её, стал лихорадочно соображать, где бы что-нибудь подходящее найти, чтобы успеть подпоясаться до развода.

Ни у кого рядом свободной верёвочки не было, и он пошёл к бригадному шнырю, венгру по фамилии Ач.

Ач был человеком вздорным и наглым. Бригадир часто давал ему в зубы, но Ачу всё было, как с гуся вода и, вот уже почти год, он неплохо шнырил в бараке, устраивая и бригадир и бригаду. А шнырить в рабочей бригаде дело нешуточное, и не каждому под силу. Унеси-ка, попробуй, для начала, тридцать пар мокрых валенок одной походкой в сушилку, да ещё пристрой их поближе к печке так, чтобы утром не побили тебя этими валенками.

Семёну Марковичу очень не хотелось обращаться к хамовитому Ачу, от которого он всегда ожидал какой-нибудь издевательской подлянки, но времени не было, а обстоятельства складывались чрезвычайные – рельса уже прозвучала давно, и бригада продвигалась к выходу.

То ли у Ача было хорошее настроение, то ли вид у Семёна Марковича был совсем унылый, но шнырь не глумился, как обычно, а протянул кусок голого толстого алюминиевого провода:

– На, подвяжись пока, а там придумаем что-нибудь, – он больно хлопнул ладонью Семёна Марковича по плечу и добавил весело:

– Не бзди, еврей, будь веселей! Найду я твою верёвочку.

После, уже по дороге, Семён Маркович вспоминал – сказал Ач «твою верёвочку» или «тебе верёвочку». Потому что это было очень даже не одно и то же.

Не надо быть слишком опытным эком, чтобы понимать, что верёвочка верёвочке рознь. Шёлковая, или там вязкая, или, не дай бог, какая-нибудь батистовая за день развязываться или ослабляться будет раз за разом. А попробуй-ка поперевязывай узелок потуже голыми руками при тридцати пяти с ветром.

Скрученная же из простыни или нижнего белья, к примеру, так может и вовсе не развязаться в самый необходимый организму момент.

Ещё очень жалко было именно эту верёвочку потому, что хранил её Семён Маркович от самого следственного изолятора.

Верёвочку эту в следственной камере молодые жулики сплели из распущенного хлопчатобумажного коричневого носка, да так споро и умело, что Семён Маркович только диву давался.

Сам он к умелостям всяким был не приспособлен, и такую верёвочку ему не сделать было ни за что. А пацаны, шутя да поругиваясь, сплели это чудо за полчаса, и потом этой верёвочкой забрасывали «коня» через решётку окна в соседнюю камеру, на высунутый веник.

А когда понадобилась верёвочка подлинней, уже для более далёкой камеры, эту за ненадобностью, Митька Рябой отдал Семёну Марковичу со словами:

– Пользуйся, дед, на здоровье, да помни мою доброту.

Семён Маркович сначала этой верёвочкой завязывал свой мешок с вещами, и только потом, на севере, когда увидел, как эки экипируются зимой на утренний развод, начал использовать верёвочку по новому назначению, и она его за две северные лютые зимы, ни разу не подвела. Верёвочка туго перетягивала талию, а завязывалась и развязывалась легко и просто, как шнурки от детских ботинок. Кроме того она была очень пластичной и ужимистой, и не мешала, когда Семён Маркович нагибался или садился.

Вот... А он так беспечно к ней относился. Любой из кармана телогрейки мог спокойно её стащить.

Пока дошли до лесобиржи конвой дважды сажал колонну на снег. Один раз задрались жулики в тарной бригаде, а второй, когда собака укусила сопровождавшего колонну вольнонаёмного представителя. Эти сидячие остановки вконец измучили Семёна Марковича.

Проволока на поясе не амортизировала, как прежде его верёвочка, а при наклонах больно сдавливала живот и не давала дышать. На корточках сидеть было совершенно невозможно, и Семён Маркович стоял на коленях, пригнув голову от ветра и от страха перед собакой, которая захлёбывалась лаем в метре от его лица. От такой позы ломало мышцы спины и шеи. В конце концов, он совсем ослабил проволоку и до вахты промзоны стягивал руками полы бушлата, каждую минуту запахивая их потуже, потому что через ватные рукавицы пальцы держали совсем плохо.

Была ещё задержка у вахты – пропускали вагоны под погрузку.

В контору лесозавода Семён Маркович вбежал совсем замёрзший и измученный.

С нижней частью тела было всё в порядке – выручали хорошо подшитые валенки и ватные брюки поверх теплых кальсон и хозяйских штанов. А вот выше пояса, как он ни приноравливался потуже запахнуться, мороз и ветер всё равно пробирались в самые потаённые места.

Он прислонился спиной к высокой, покрытой чёрной жёстью печке, обогревавшей контору, и стоял так, пока не испугался, что может затлеть бушлат.

От ночного сторожа у печки ещё лежала поленница из колотой берёзы, так что пару часов у Семёна Марковича в запасе было.

Он уже поменял воду в графинах, подмёл в коридоре и в двух кабинетах, помыл чашки и заварной чайник у директора, расчистил тропку от дороги до крыльца, когда в контору вошёл директор лесозавода Блохин Николай Павлович.

Он прошёл сначала к мастерам, протянул руку десятнику Коле – валютчику из Ленинграда. В сторону вольнонаемных, вечно пьяненьких, мастеров даже не глянул и, уже выйдя из их кабинета, взглянул на Соколовского:

– Здравствуй, Семён Маркович.

Соколовский очень гордился тем фактом, что директор только его в конторе называл по имени отчеству.

От эков Семён Маркович наслушался о Блохине множество всевозможных легенд, но чаще всего говорили, что «Блоха» в прошлом ссученный «вор в законе», что крови на нём воровской немерено, и что в центр страны он боится ехать до сих пор.

Семён Маркович в этих премудростях не разбирался и разбираться не хотел. Он видел, что директор с ним вежлив, справедлив и добр.

Знал он также, что вся его жизнь и будущая свобода зависели от директора, а потому верил ему и старался во всём угодить, хотя директор ничего не замечал и не требовал.

А когда Блохин оставлял, якобы для уборки, чай, сахар, а то и полбанки сгущенки, то роднее и ближе человека для Соколовского не было.

По его пониманию, не мог Блохин делать что-то несправедливое. Уж больно он прям и могуч, для хитростей и несправедливостей.

А что там было пятнадцать-двадцать лет тому назад, ещё при Сталине, он знать не желал. То было в другой эпохе.

Однажды Семён Маркович подслушал разговор десятника Коли с вольным прорабом строителей Лизогубом о том, что семья Блохиных одна из самых приличных и уважаемых в посёлке. После этого он ещё больше уважал и полюбил директора.

Подходила пора идти колоть дрова, а петушка Циферблата всё ещё не было.

Когда жулики не таскали Циферблата по будкам, укрыться от холода тому было негде, и Семён Маркович пускал бедолагу на крылечко в тамбур и даже наливал иногда горячего чаю в циферблатову кружку.

Петушок был сильным, красивым парнем, бывшим боксёром, забитым и затюканным до самой невозможности. Он готов был делать для Соколовского всё на свете, а уж дрова колот с радостью.

Сегодня помощника не было, и Семён Маркович, печально вздохнув, запахнул телогрейку и, заколов полу в самом низу булавкой, поплёлся к куче берёзовых чурок, с трудом волоча за собой колун с приваренной, вместо топорнища, длинной железной трубой.

Дрова были вперемежку со слежавшимся снегом и, пока Семён Маркович с трудом выковыривал из снега тяжёлые и скользкие чурки, ватные рукавицы обледенели и потяжелели.

Труба никак не зажималась руками, и колун опускался на чурку вкривь и вкось, сбрасывая её с большой сосновой плахи. При каждом же наклоне, телогрейка растопыривалась между пуговицами, и впускала очередную порцию обжигающего холода.

Семён Маркович, окончательно устав и замёрзнув, посеменил в контору.

Как он мог раньше любить есенинские стихи о белых берёзках?

Именно из-за этой тонкой белой кожицы чурка абсолютно неуправляемая в руках со скользкими рукавицами.

В конторе (когда не было директора) ошивались и грелись разные типы, но надежды на их помощь не было никакой. Оставалось только уповать на чудо.

Семён Маркович уже совсем отчаялся и испугался, когда из кабинета вышел десятник Коля. Он был не в валенках, а в котках, какие лагерные сапожники продавали по три рубля, и в теплом зелёном свитере под горло. Свитер сверху донизу был зашит большими стежками.

Семен Маркович знал эту примочку. При очередной облаве на свитера зэки рвали на глазах у контролёров свитер и проходили. Зашитый же дома по разрыву он грел также, а новая облава могла быть очень даже не скоро. А в случае чего, можно было порвать снова.

Коля натянул на уши подшлемник и пошёл во двор.

Десятник был крепкий, слегка полноватый парень лет тридцати. Он жил сам по себе, был при деньгах, и умел держать себя достойно с любым окружением.

Когда Семён Маркович услышал стук колуна, он подбежал к куче, соображая по дороге, что Коля, наверное, из окна видел его мучения.

Он стал подкладывать под колун чурки, а Коля шутя их колот, да так лихо, что отколотые части разлетались по сторонам.

Семён Маркович быстро выдохся, а Коля расколов ещё десяток – другой поленьев пошёл в контору.

– Ну, на сегодня тебе, Маркович, хватит.

Соколовский побежал за ним и, сдерживая прерывистое дыхание, уже в дверях обрушил на Колю слова благодарности.

Дров хватало даже ночному сторожу на пару хороших закладок, и Семён Маркович, отдохнув, отправился в столовую. После еды, он забрал у кухонного истопника Колин обед – жареную картошку с мясом, специально приготовленную поварами для блатных и денежных.

Коля, как всегда, оставил немного для Семёна Марковича, и Соколовский, покушав, запил съеденное директорским чаем с Колиной конфетой «Ласточка».

Всё складывалось неплохо, и только страх перед обратной дорогой, да потеря верёвочки не давали возможности думать о хорошем.

В жилую зону колонна буквально неслась трусдой. Мороз, и так уже невозможный, всё крепчал, а ветер усиливался. Конвоиры говорили, что на термометре в батальоне сорок четыре. Они сами вжимались в высокие воротники меховых тулупов и постоянно приплясывали.

Собаководов с собаками не было. Какой сегодня побег?

Всем хотелось скорее добраться до тепла.

Колонна минут за двадцать добежала до переезда и остановилась часа на полтора – тепловоз сортировал на стрелках вагоны, периодически выезжая на переезд.

Наиболее молодые и бесшабашные зэки не зло и грязно переругивались со стрелочницей, немолодой, но приятной на лицо, женщиной, а она отвечала им ещё более заковыристыми прибаутками из цветистого лагерного фольклора. Это вызывало у зэков хохот и восторг.

Однако, Семён Маркович замёрз совсем и уже не делал попыток согреться.

Его валенки от частой смены температуры за день повлажнили и, если на ходу ещё неплохо держали тепло, то при стоянии всё больше и больше остывали. Тело от этого тоже не могло удержать тепло, и он боялся сделать лишнее движение, чтобы не растерять последнее.

Он во всём винил и, насколько умел, ненавидел того гада, который украл у него верёвочку, и только эта ненависть ещё давала ему силы как-то держаться.

Где-то там, в глубине души он, конечно, понимал, что верёвочка в этих обстоятельствах никак помочь не смогла бы. Но принять и поднять эту мысль к вершине своего сознания, и признаться себе, что злость его не имеет под собой основы, он никак не мог, потому что без этой злости и ненависти к воображаемому вору, его покинули бы последние силы.

Ввалившись в барак уже совсем не осознавая себя, Семён Маркович упал на табуретку у жаркой печки и тупо уставился в пол.

Ему было печально и горько оттого, что он такой никчемный и неприспособленный к жизни человек, оттого, что на своём веку он никогда, ни с кем не дрался, и ещё оттого, что посадили из всей базы только его одного, далёкого от серьёзных дел человека.

А больше всего ему было досадно и обидно, что кроме жены он никогда не знал и не любил ни одной женщины на белом свете.

Жизнь была прожита неинтересно и невкусно – так по всему получалось.

И, если бы ему именно сейчас сказали, что он вот так, прямо в эту минуту, здесь умрёт, без всякой боли и мучений, он бы, не задумываясь, согласился.

Ему было так жалко себя и свою осиротевшую семью, что он даже потерял время и место.

От внезапной боли в колене он очнулся. Напротив сидел улыбающийся Ач.

– Не бзди Сёма, будешь дома! – сказал весело Ач и ударил ещё раз.

– Твоя? В умывальнике на полу нашёл.

На ладони у Ача лежала его, Семёна Марковича, верёвочка. Он узнал бы её из тысячи других. Даже с закрытыми глазами.

Он взял верёвочку в руку, она была мягонькая и теплая; крепко сжал, и сразу почувствовал, что всё вокруг изменилось и приобрело другие очертания и цвета. Он уже определённо знал, что всё наладится и будет теперь хорошо, как прежде, и ему уже было стыдно за предыдущие мысли и свою позорную слабость.

Он как-то по-новому ощутил себя и почувствовал своё тело. Болели пальцы на ногах, и Семён Маркович вспомнил, что первым делом нужно было снять валенки в сушилку.

Но сначала необходимо было поблагодарить Ача. Сказать тому, что он самый хороший на свете парень, и что Семён Маркович всегда знал об этом, и что он навеки теперь его, Ача, должник.

Он хотел всё это произнести, но вместо слов изо рта вырвался какой-то нелепый звук, потом всхлип и Семён Маркович, вдруг громко, как в детстве, навзрыд заплакал.

Не искушай Господа, бога твоего

Если бы итальянский криминолог Чезаре Ломброзо увидел честное и ясное лицо Юры Селивёрстова, он бы перевернулся в гробу.

Но, и перевернувшись, он бы увидел, как его стройная теория, что преступные склонности отражены на человеческом лице, разваливается на глазах.

С Юринога лица можно было писать портреты святых, счастливых отцов и строителей светлого будущего. Юноша, выросший у папы-полковника и мамы-врача, в свои двадцать лет был кандидатом в мастера спорта по гимнастике и играл на фортепьяно.

И, тем не менее, Юрий Игнатьевич Селивёрстов был убийцей.

Нет, он не подкарауливал ночью работниц швейной фабрики, идущих домой после второй смены. И не нападал на инкассаторов, чтобы завладеть их выручкой. Он даже не бегал по улице пьяный с ножом.

Он просто застрелил «деда» в армии.

– Я уже готов был застрелиться сам, потому что от побоев и унижений не осталось никаких сил. Но когда один из дедов сказал, что сейчас они сделают из меня Юлию, я всадил в него очередь, о чём никогда не сожалел.

В лагере Юра жил весело. Был при родительских деньгах, относился ко всем доброжелательно, а для большего спокойствия тёрся возле меня и моей семьи, что нас несколько не напрягало, потому что парень он был с понятием, хотя и никогда не стремился в «калашный ряд».

После тотального беспредела, которым всегда славилась советская армия, строгий режим казался Юре верхом законности и правопорядка.

Здесь нужно было отвечать только за свои поступки, а не жить по милости или немилости двадцатилетних «дедов», которые ещё вчера сами были лишены, каких бы то ни было, человеческих прав. И если облик их изменился до неузнаваемости в связи с переходом в категорию старослужащих, то мораль оставалась рабской, но уже бесконтрольной.

В лагере ничего подобного не было, хотя случалось всякое, как могло случиться, впрочем, и на воле.

С самого начала Юра присоседился к нашей семье и, не особо мешая, обеспечил себе ещё и защиту от всевозможных случайностей и глупостей, которыми полнится любое человеческое сообщество.

Юра мне всегда нравился за весёлый нрав и доброжелательность. Работал он у меня десятником по отгрузке вагонов.

На поселение Юра вышел на полгода раньше, а потому, узнав, что меня оставили работать в городе, приехал меня проведать со своей будущей женой, тридцатилетним директором поселковой школы.

Когда женщина ушла по своим директорским делам, Юра рассказал нам о тех радужных перспективах в виде квартиры и машины, которые ждали его в случае законного брака.

– А с чего ты решил, что она уживётся с тобой, если с двумя предыдущими мужьями не ужилась – спросил его Толик, наш общий приятель.

– Так они же оба бухали, а я вообще не пью.

– Так она у тебя или дура, или стерва. Если выбирала пьяниц, то дура, а, если доводила мужиков до пьянства, то стерва – не унимался Толик.

– Марк, а ты чего молчишь?

– А что ты хочешь от меня услышать? Можно жениться по любви, или по интересу, а ты женишься ради интереса.

– А какая разница.

– Не скажи, Юра! По интересу летают в космос или женятся на хорошей женщине, пусть пока и не очень любимой. А ради интереса женятся на машине и квартире. А это уже дешёвое фраерство. А Бог не фраер. И с ним шутки плохи.

– Так что мне не жениться на ней, по-вашему?

– Юра! Мы уже не на зоне, чтобы тебе говорить, как поступать. Ты сам видел ползоны таких умников и знаешь не хуже нас, куда это приводит. А как говорят умные люди, только дураки учатся на собственных ошибках. Тебе жить, тебе и решать. Нам-то что?

– Ну, всё! Вы меня убедили...

...Приехав в Юрин посёлок по делам, я отправился к нему в гости, поздравить с рождением дочери.

Увидев у меня в руках бутылку коньяка, его директриса что-то буркнула и исчезла в другой комнате.

Мы с Юрой пошли на кухню поговорить. Пить мы не стали, потому что Юра скривился в сторону спальни. Мы проговорили уже минут пятнадцать, когда жена резко открыла дверь и, подойдя к нам, заорала на Юру:

– Я что должна тебе каждый раз напоминать, что к пяти привозят молоко? Или мне бросать ребёнка и бежать самой?

Юра попросил меня подождать, а сам выбежал в магазин.

Его жена опёршись о холодильник и скрестив на груди руки молча меня разглядывала, потом спросила:

– Может, скажете, что я не права? У вас такое лицо.

– Насчёт молока? Почему – же? Правы. Хотя я бы от своей жены за такой тон ушёл.

– Много вы понимаете в семейной жизни. Вот женитесь, тогда и посмотрим.

– Послушайте, Лида, один еврейский анекдот, он короткий. Пospорили два еврея о том, какие доски использовать в бане на полу – строганные, или не строганные. Строганные лучше, но дороже. Пospорили серьёзно. Почти до драки. Пошли к раввину. Первый привёл свои доводы, и раввин ему сказал: – Конечно, ты прав рэб Лейзер. Потом привёл свои доводы второй, и раввин сказал: – И ты прав рэб Мендель.

Вмешался служка раввина Менухим. – Рэбэ, не может же быть, чтобы оба были правы в споре по одному и тому же вопросу?

И рэбэ печально сказал: И ты прав Менухим. – Так что же делать с досками, рэбэ? – Берите обязательно строганные, но кладите строганной стороной вниз.

– Ну, и что же умного сказал Ваш раввин? – спросила Юрина жена.

– Ну, во-первых, он сказал, что все, по-своему, правы. А во вторых он думал не о досках, а о людях его местечка, которые должны жить в мире и дружбе. Может евреи и живут дольше всех на земле, потому что пытались больше думать о людях, чем о досках. Поэтому, если о молоке, то вы правы, а если о семейной жизни, то это тихий ужас.

– Что же мне одной всё делать? Я тоже работаю, и зарабатываю не меньше.

– Нет, конечно, он должен помогать, но это должно его радовать, а не унижать.

– Ну да, я ещё должна забивать себе голову, чтобы ему угодить.

– А представьте, каково вашему мужу предстать передо мной, человеком, чьё мнение он ценит, запюканным подкаблучником? А перед самим собой? Полагаю, хорошим это не кончится. И, чтобы это понимать, не обязательно быть женатым. Великая мадам де Сталь два века тому назад сказала, что мужчина должен чувствовать себя королём, и только одна женщина на Земле должна знать, что вместо короны её каблук. Но мужчина никогда этого не должен заподозрить.

– Ну, ладно, мне надо к ребёнку. До свиданья.

Я не дождался Юры и ушёл, чтобы не опоздать на поезд.

По дороге я думал о том, что говорил банальные прописные истины, о которых дети должны узнавать в детском саду, а тут директор школы...

...Прошло много лет.

Проездом я оказался у Толика в Херсоне. Он только купил новую «шестёрку», и вызвался отвезти меня в Нальчик, где я тогда жил.

Мы уже подъезжали к Ростову, когда я вдруг вспомнил, что это родина Юры Селивёрстова и предложил Толику заехать к его родным передохнуть, а заодно и узнать, что там с Юрой.

Мы оба были почти уверены, что его супружеская жизнь хорошо не кончилась. Дай Бог не трагически. Через справочную мы быстро нашли Юриных родителей и от них узнали, что Юра работает механиком в автосервисе.

Он ничуть не изменился. Был такой же весёлый и заводной.

– Поехали ко мне, с женой и дочкой познакомлю.

Нас встретила незнакомая женщина постарше Юры и девочка лет тринадцати.

Когда мы остались одни, Юра заговорил:

– Если бы вы знали, сколько раз я вас вспоминал? Не знаю, что ты сказал моей бывшей, но месяца на три она как-то поутихла, а потом всё началось сначала. Я уже стал бояться домой приходить. То на охоту, то на рыбалку – лишь бы не дома. Выпивать стал. А дома ещё хуже. Всё не так. Чувствую, что уже нехорошие мысли в голову лезут. Лагерь стал сниться. Как-то поехал в Сыктывкар зуб мудрости удалять, да так и не вернулся. Сел на самолёт и улетел. Года четыре, как женился – у неё муж в Афгане погиб. Ни разу не поссорились, аж не верится, что такое бывает. В прошлом году её девочку удочерил. Дом достраиваем. Родители помогают. Всё путём. Вот так. Правильно ты говорил, что не надо играть с Богом в прятки. Он дешёвки не прощает.

Мы выпили за Юрину семью, переночевали и поехали в Нальчик.

Убийца Сталина

Я встречал не много людей на свете, рассказам которых верил до конца.

Обычно человек, если и не врёт, то рассказывает свое представление о событии, или ту версию, в которую искренне верит сам.

Но есть люди, которым веришь, что бы они ни рассказывали.

И не только оттого, что тебе кажется, что они не умеют врать, но и потому, что ты убеждён – рассказчик способен сделать то, о чём говорит. И даже больше.

Таким человеком был мой душевный приятель и настоящий русский человек Николай Гаврилович Гавришевский.

Впервые я увидел его на турнике. Мне, человеку абсолютно не спортивному, было удивительно наблюдать, что этот немолодой инвалид выделяется на снаряде.

Потом я увидел его в рабочей зоне, когда мы после развода шли в сторону конторы. Он раззадоривал попутчиков:

– Ну что, молодёжь, кто рискнёт? До конторы. 300 метров. Пачка чая. Ну!?

Глядя на то, как он хромает на ногу с дугообразной голенью, у кого-нибудь появлялась охота легко выиграть.

Николай побеждал всегда.

Проигравшие никак не могли ни осознать и принять свой проигрыш. В ответ Коля загадочно улыбался и повторял:

– Спортом, спортом надо заниматься, мужики. И курить надо бросать.

И снова, назавтра кто-то попадался, и проигрывал пачку чая.

Коля досиживал свой четвертак. Он уже сидел больше, чем я прожил.

Но никогда и никто не видел его угрюмым или расстроенным.

В свои, под пятьдесят, он был невысок, худощав и необычайно свеж.

– Спорт и доброе отношение к людям – залог душевного и физического здоровья – часто любил повторять Николай Гаврилович.

Работал он шнырём (дневальным) в конторе лесозавода.

Подружились мы не сразу, но крепко и надолго.

И хотя он не приветствовал мою дружбу с блатными, разговоров на эту тему у нас не было, да и быть не могло. В лагере каждый крутится, как хочет и как умеет, не выходя за рамки приличия, за которыми легко можно получить по голове.

У уважающих себя людей, (и на воле тоже), не принято лезть к собеседнику в душу и задавать лишние вопросы. Захочет человек – расскажет сам.

И однажды Коля рассказал мне свою невероятную, но обычную для нашей страны историю.

– На фронт я пошёл добровольцем из педагогического института. Сразу попал в артиллерийское училище, и командиром батареи провоевал месяцев пять, когда меня перевели в полковую разведку. Закончил войну под Прагой в госпитале, а домой попал аж в начале сорок седьмого. Меня, капитана, инвалида, до увольнения из армии определили в районный военкомат.

В то голодное время жилось нам лучше других, за счёт моей работы.

Многие умирали от голода. Ходили слухи о людоедах.

Чёрт меня дёрнул влюбиться в жену сослуживца, майора. Даже не так. Это она меня к себе затащила.

Жили мы у моих родных уже больше месяца, когда МГБ за мной приехало в пять утра. Оказывается, её муж написал заявление о том, что я выражал недовольство политикой правительства, (что было правдой), и грозился убить Сталина, чего не было и быть не могло. Но мне

быстро сварганили дело и вlepили двадцать пять лет, которые тогда стали давать всем подряд, вместо расстрела. На суде я сказал этому гаду, что сбегу и застрелю его. С этими мыслями и ушёл на этапы.

Видя мою хромоту и уродство, конвой обращал на меня внимание в последнюю очередь, и в один прекрасный момент на вокзале, когда приблатнённые пацаны замутили заваруху, я пошёл на отрыв, вскочил на проходящий товарняк и ушёл.

Короче, добрался я до Кировограда и прихожу в дом, к моему обидчику. А у него дома моя любовь, да ещё и с пузом. Может даже и от меня.

Упали они оба в ноги, умоляют не убивать этого подлеца. А я бы, наверное, и не смог. Я же боевой офицер, а не палач.

Заставил его написать правду о доносе и повёз в МГБ. Ему дали пять лет за ложный донос. А мне, к уже отсиженному, добавляют срок до двадцати пяти – и на Север.

Конвой там понаписал, что я совершил нападение, ударил часового и пытался завладеть оружием. В пятьдесят седьмом статью про Сталина мне отменили, а четвертак за всё остальное оставили.

В шестьдесят первом, когда меняли кодекс до пятнадцати, мне оставили четвертной, как особо опасному и не ставшему на путь исправления преступнику. Потому что никогда я в их ментовских играх не участвовал. Работал, как мог, и всё. Вот так и сижу. Осталось полгода, а чувствую себя пацаном. Ни война, ни тюрьма меня не состарили. Жить хочу, аж подпрыгиваю.

В конторе, когда не было начальства, обычно собиралась братва. Порешать производственные вопросы, поиграть в карты, выпить, почифрить и прочее.

Как обычно в субботу, когда из начальства одни зэки, компания из пяти-шести человек устроилась играть в углу коридора в карты, поставив на стрёме какого-то жулика.

Играли, выпивали, чифирили, трепали языками.

Коля подметал пол и, добравшись до них, попросил пересесть, на что Митя Проходчик ответил матом и оскорблениями. Коля промолчал и отошёл по своим делам.

Проходчик был здоровый тридцатилетний парень, с храмом Василия Блаженного во всю спину. Вряд ли он когда-нибудь спускался в шахту, но почему-то кличка у него была шахтёрская. На зоне он благовал, но в калашный ряд его не пускали.

За ним тянулся хвост с Украины, где он выступал по лагерному радио и призывал всех стать на путь исправления. Была у ментов, наряду с красной повязкой, такая мера по опусканию блатных. На чём-то его подловили и он прогнулся. Никто его за это не осуждал, но и по первому кругу уже катить ему не позволяли. А по низам он был в авторитете, и не многие хотели с ним связываться.

Он уже был прилично поддатый, когда ему захотелось чифиру и он крикнул Коле:

– Ты, хромой сучёнок, а ну завари там чайку покрепче.

Коля продолжал заниматься своими делами.

Через некоторое время Проходчик опять повторил свою команду, но Николай никак не отреагировал. Тогда Проходчик поднялся, подошёл к Коле, который нагнулся над дверцей печки и, прижавшись своим передом к его обтянутому заду, сделал несколько недвусмысленных телодвижений.

Что произошло дальше, никто не понял. Все только видели ничего не понимающего Проходчика с огромной щепкой, торчащей из обеих сторон его шеи.

Коля уже стоял возле остальных.

Проходчик рухнул, хрипя и захлёбываясь. Было понятно, что помощь ему уже не нужна... И только Коля был спокоен.

Всё это время я был у себя в кабинете с Пашей Королём по кличке Дурак. Фамилия у Паши была Кузьмин, но клички было две. Именно так и говорили: Ну, Паша Король, что Дурак. Паша был лет на десять старше меня. Большую часть срока он провёл в психбольнице,

но был добрым, интересным и очень интересующимся человеком. Говорить со мной он мог часами, когда не играл в карты.

Боялись Пашу все. Он был из очень уважаемой лагерной семьи, всегда смешлив и приветлив, что многих расхолаживало и дезориентировало.

И когда они, вдруг, получали по голове еловой вершинкой, многие не могли понять, где они себе позволили с Пашей лишнее.

Мы выскочили из кабинета, быстро разобрались в чём дело, и Паша, обращаясь ко всем присутствующим, безапелляционным тоном сказал:

– Значит так! Зовём ментов с вахты и все, как один, показываем, что Проходчик сам пьяный упал и напоролся на щепку. Попробуйте только запороть мне в косяк. Поубиваю, козлов.

Козлы, конечно, было лишнее, но все промолчали. Тем дело и кончилось.

Через пару недель Коля ушёл на свободу.

Я долго получал от него письма, пока сам не ушёл на этап.

Он писал, что женился, работает с братом в мастерской металлоремонта и доволен жизнью.

Меня это всегда радовало.

Ласточка

Если на воле человеческие мечты и фантазии всё-таки ограничиваются возможностями, способностями и реальными потребностями человека, то в лагере эти фантазии безграничны.

У зэка есть прочная опора, на которой держится его самомнение и самоуверенность. Это его несвобода.

Нечто подобное, было у многих представителей советской интеллигенции.

Многие из них считали, что будь у них свобода (и отсутствие партийного давления), они бы были хорошими бизнесменами, писателями или просто очень успешными людьми.

Может быть, поэтому рынок и свобода наибольшее разочарование принесли в России именно интеллигенции, которая до этих благословенных времён, во многом, жила в иллюзорном мире.

Да! Так вот. Мои фантазии не были так далеко раздвинуты, кроме, конечно, того, что я собирался управлять государством.

Сиюминутно же я мечтал о том, чтобы в Большом театре послушать оперу «Евгений Онегин» и встретить когда-нибудь свою Ласточку.

К «Евгению Онегину» меня побудил показанный у нас фильм «Музыкальная история», а Ласточку я хотел видеть всегда.

Ласточкой её назвала моя соседка Люда, у которой она ночевала, поскольку мама моя была человеком строгих правил.

Утром Люда позвала меня к себе и показала мою спящую подругу.

Солнце из окна освещало её каштановые волосы, свисавшие к полу.

Лицо было светлым и красивым настолько, что Люда не удержалась и сказала:

– И досталась же такая Ласточка такому обормоту.

С Людкой мы в детстве ходили на один горшок, и был я для неё ближе родного брата, поэтому она свою любовь ко мне выражала чисто по-родственному. Так, с Людкиного благословения она и стала Ласточкой.

То, что она любила именно меня, было загадкой для всего техникума, где мы оба учились.

Потом меня выгнали из техникума за серьёзную драку, а её лишали стипендии и писали её родителям письма. Но она всё равно меня любила, и ни на что не обращала внимания.

И только однажды она сказала:

– Мне это всё надоело.

А произошло вот что. Шёл концерт. Мы сидели на последнем ряду актового зала, когда по проходу от сцены к нам подошёл парень и что-то сказал моему приятелю Тёне. Тёня повернулся ко мне:

– Меня там толпа убивать пришла.

Нас было трое.

Извинившись перед Ласточкой, я вместе с остальными, направился к выходу.

В коридоре Крыжа (третий из нас) взял со стола в коридоре толстую пластмассовую палку с полметра длиной, которую оставили строители-ремонтники, а я засунул за пояс тридцатисантиметровую металлическую линейку.

Когда мы вышли на высокое крыльцо, толпа нам показалась безразмерной.

Двое от неё отделились и направились в нашу сторону.

Тёня был боксёром, а Крыжа профессиональным хулиганом, но оба уставились на меня, хотя я и драться не умел, и был моложе их обоих.

Как разогнать толпу, мне было более или менее понятно, а вот что делать с двумя здоровенными парламентёрами я не знал.

– Если этих двух вырубите, остальные разбегутся, отвечаю.

Мы не торопясь подходили к парням, которые, ухмыляясь, смотрели на свои потенциальные жертвы.

Тёня кулаком, а Крыжа палкой ударили одновременно, и парни грохнулись на землю прежде, чем в расслабленной толпе кто-нибудь, что-нибудь понял.

Они только увидели бегущего на них с огромным ножом в руке парня, который орал во весь голос.

Толпу я разгонял не впервые, и знал, что делать это легко, потому что в толпе никто не может принять решение.

Толпа развернулась и понеслась вдоль улицы, а я неуклюже за ней бежал. Нестерпимо болела спина, надорванная на первой институтской практике.

Еле добравшись до общежития, я пришёл в Ласточкину комнату и упал на её кровать.

Тогда-то она и сказала без всяких эмоций:

– Мне это всё надоело.

А я, дурак, взял и перестал к ней приходить.

Ей, конечно, передавали, что видели меня с другими девушками. Но я искренне считал, что я встречаюсь с Ласточкой и люблю только её. А всё остальное так, ей назло.

На суде её не было.

Но потом мать рассказывала, что она приходила и плакала, и говорила, что если бы я ей пообещал, она бы меня ждала.

Потом она писала мне, но моя бурная лагерная жизнь и побег этому не способствовали, а когда через много лет я попытался её разыскать, то получил ответ из адресного бюро, что проживает она в Североморске 3, закрытом военном городке под Мурманском.

О том, чтобы туда проникнуть, не могло быть и речи, а письма писать в неизвестность было опасно. Страшно было помешать ей жить.

Так прошло 24 года после нашей последней встречи, в течение которых я никогда о ней не забывал, и время от времени перепроверял её место жительства.

Летом 1990 года мне вдруг ответили, что Ласточка проживает на Украине в городе Жданов.

С моим водителем Юрой мы часто ездили на машине в Москву. На ночь, обычно, останавливались в Донецке, чтобы переночевать. Наутро я сказал Юре, что мы проскочим в Жданов по делам.

Юра позвонил в квартиру, и семнадцатилетняя девушка сказала, что мама обычно, приходит домой на обед.

Я узнал её издалека по походке. Неспешная походка задумчивого человека.

– Тебе совсем не идут усы – сказала Ласточка, не выразив удивления.

– Ты не удивлена?

– Нет... Что я, тебя не знаю. Знала, если живой – приедешь.

– Мы можем где-то посидеть?

– Наверное.

И она пошла в дом.

Минут через двадцать она вышла из дому вместе с дочерью:

– Знакомься Оксана – это Марк. Он мог бы быть твоим отцом.

Чувствовалось, что они подруги, и тайн у них нет.

Мы расположились в ресторане и стали болтать. Вернее я болтал, а она сидела и периодически плакала.

– Тебе что так плохо живётся? – спросил я.

– Да, нет. Всё в порядке. Только тебя не хватает.

– Я тоже всегда тебя помнил.

– Я чувствовала.

- Что же делать?
- Позовешь замуж, пойду. А любовницей быть не хочу. Противно.
- Я не могу. У меня жена хорошая, да и предавать я не умею.
- За это и люблю. Ну и ладно. Ты мне не звони и не пиши. У меня на это сил нет.
- А Оксане?
- Это, как договоришься.

Мы с Оксаной как-то быстро подружились и стали перезваниваться.

Она мне однажды сообщила, что у мамы был инфаркт, но всё слава Богу.

Оксана окончила институт и вышла замуж.

Недавно у неё был день рождения, и я послал ей в подарок красивые серёжки.

Попытался написать стихотворение. Не очень. Но последние строчки вроде бы получились:

...Я не её, она чужая,
У каждого своя семья,
Но я до боли возражаю,
Что ТЫ, увы, не дочь моя.

Твой несостоявшийся отец Марк Михайлович Неснов.

Право на убийство

О том, что институт смертной казни в России не имеет никакого смысла, я понял достаточно давно.

Поэтому введение моратория на её применение считаю вполне обоснованным и рациональным, хотя бы потому, что к заметному снижению преступлений смертная казнь не приводит.

Зато заметно повышает градус жестокосердия в нашей стране, где с милосердием и так не очень благополучно. Кроме того, слабость нашей правовой и судебной системы не всегда может гарантировать населению, что меч правосудия разит именно того, кто это заслужил. Только по одному резонансному делу убийцы Чикатило казнили десяток невиновных.

А по менее известным и резонансным?

И хотя жертвами этих ошибок являются обычные граждане, большая часть народа с возмущением воспринимает мораторий, совершенно не желая слушать мнение юристов, психологов и статистические данные, полагая, что лишение жизни виновного (а часто и не виновного) кардинально решает проблемы. Хотя, по моему мнению, эти проблемы, от такого способа их решений, только множатся.

Говорю это потому, что считаю себя более осведомлённым в этом вопросе.

Однажды жизнь заставила меня вынести смертный приговор, ибо не существовало иного способа спасти окружающих.

Произошло это много лет тому назад, когда на нашу вполне благополучную и относительно спокойную зону прибыл этап из Азербайджана.

Азербайджанцы и до этого были на зоне. Но эта группа пришла из местных сытых лагерей, где их статус продолжал определяться связями со свободой и деньгами родителей.

Никакого уважения мрачная, забушлаченная северная публика, спокойно борющаяся ежедневно за своё выживание, у них не вызвала.

И они, ничего не поняв, и не желая ни в чём разбираться, начали беспредельничать, как это делали в родном городе на своей почти домашней зоне.

Было их немного, человек двадцать. Но это были сытые парни, крепко завязанные землячеством во главе с сорокалетним Ильясом, который шёпотом выдавал себя за вора, что при его поведении и миропонимании, кроме усмешки, вызвать ничего не могло.

О ворах мы в эти годы слышали приблизительно тоже, что и о героях-челюскинцах.

Где-то, когда-то.

Но усмешки усмешками, а вступать в конфликт с беспредельщиками никому не хотелось, так как кроме крови и больших сроков на особом режиме ничего из этого выйти не могло.

Эта публика творила беспредел по низам, а к уважаемым людям пока не приближалась, что и позволяло ей вольготно себя чувствовать и уверовать в свою вседозволенность и безнаказанность.

Не знаю, как бы это всё закончилось, но однажды они наехали на Толика Мирошникова, тридцатилетнего десятника на разделке леса. Толик был спокойный мужик, никуда, кроме работы не влезавший, а потому и пользовался уважением среди всех нормальных людей.

Ильяс и его отморозки стали давить на Толика, заставляя приписывать объёмы, которых они не имели, чтобы дать им заработать приличные деньги. Поскольку Толик упирался, они по пьянке избили его, а потом изнасиловали и повесили на стройке, имитируя самоубийство.

Однако сами они, кроме оперчасти, ни от кого ничего не скрывали, а наоборот, бахвалились, угрожая всем остальным.

Все уважающие себя и уважаемые парни понимали, что шутки кончились и пора эту публику остановить, пока не поздно.

Мой приятель и очень путёвый хлопец чеченец Хамзат заявил, что он пойдёт и завалит Ильяса и ещё пару этих козлов. И хотя в Хамзате никто не сомневался, (все знакомые мне в зоне и на воле чеченцы были людьми слова и чести), но я сказал, что никто не должен из-за этих тварей получить срок, а надо кинуть под танк того, кого не жалко.

На зоне не жалко только петуха (пассивного педераста). Не мной это придумано. Такие это законы. И такая там жизнь. Положение петуха на зоне можно определить как запредельное. Он не имеет права сидеть за одним столом с народом. С ним никто не может вести беседу без последствий для своего положения. Его может ударить, избить и использовать даже самое ничтожное существо. Никто из уважающих себя людей не обидит петуха, но и серьёзно заступиться за него немислимо. Падение этих людей настолько беспределно, что многие предпочитают возможности быть опущенным, смерть.

Как правило, опустить можно только за неуплаченный карточный долг, хотя, как и в гражданской жизни, бывает всякое, но крайне редко.

Поэтому часто появляются скрытые петухи, у которых только один пользователь. Они страшно боятся огласки и готовы на всё, чтобы этого не случилось.

Именно такого скрытого педераста я и поручил найти, а также собрать информацию на его хозяина и скупить все его карточные долги, чтобы загнать и его и его подопечного в угол.

Настоящих картёжников в лагере процентов пять, а то и меньше. Эти люди играют постоянно имея сложный финансовый баланс, который на первое число, (как правило это день расчётов), должен обязательно иметь положительное сальдо из хороших денег, а также возможность под свою личность, в любой момент, перезанять нужную сумму, чтобы уплатить вовремя.

Остальная публика – это любители, которые очень часто попадают на бабки и великое для них счастье, если их деньги приплывут к таким, как я, кто просто заставит их отрабатывать долг на определённых условиях.

К завтрашнему утру, после нашего разговора, я уже знал, что Толик Питерский давно имеет в тайных любовниках Колю Егорова, приблатнённого пацана из бригады погрузки.

Когда-то он заплатил за Колю долги. Все думали, что по землячеству, а оказалось всё сложнее.

Но Питерский был скользкий и хитрый, как угорь тип, мог и не сдать своего любовника, а потому нужно было загнать и его самого в угол.

К концу месяца Питерский вдруг обнаружил, что все его долги находятся в нашей семье, которая не хочет брать переводом даже хорошие деньги, от надёжных его должников, а перезанимать ему на зоне никто не хочет.

Вся зона, кроме тупых азербайджанских отморозков, догадывалась о наших манёврах и все затаились, играя в нашу игру. Общий долг Питерского нам составил две с половиной тысячи, и он, ещё вчера уверенный в своём денежном балансе, почувствовал как горит его задница.

Он прибежал ко мне, умоляя поговорить с Мальком и Япошей, играющими членами нашей семьи, но я сказал, что не мне, студенту, заниматься их разборками.

Япоша же и Малёк на него наехали за то, что его скрытый петух сидит с хорошими ребятами за одним столом, и только за это самого Питерского надо наказать. И что после 12 ночи, часом расчёта, им займутся.

Питерский упал на колени и завыл, обещая сделать, что угодно, лишь бы его не опускали.

Тогда – то и было ему поставлено условие, вместе с Колей завалить ночью Ильяса.

А за это обещали ему долг простить, а Колю петухом не объявлять.

Для Питерского это было большим счастьем. Кто хоть немного знает, о чём речь, тот поймёт.

Утром, дружки пришли будить Ильяса, который был с головой накрыт одеялом, и, откинув одеяло, они увидели своего мёртвого пахана с торчащей шляпкой двадцатисантиметрового гвоздя из левого глаза.

В панике они побежали к азербайджанцам, которые раньше были на зоне и сами страдали от беспредела своих земляков, чтобы просить у них защиты и убежища.

Но земляки сами начали их избивать вместе со всеми обиженными и недовольными.

Кто успел, убежал на вахту, кто-то выпрыгнул в запретку под вышку. Остальных били до собственной усталости.

Как ни странно, оперчасть не очень свирепствовала.

Только Коле добавили три года, потому что он на суде заявил, что его хотели изнасиловать.

Нормальный парень такого бы не сказал, но Коле – скрытому петуху простительно.

Вот при такой безвыходной ситуации мне и пришлось принимать это решение, потому что не существовало на всей Земле силы и власти, которая могла бы спасти потенциальные жертвы от приговорённых мной злодеев. У государства же(на воле) достаточно силы и средств, чтобы изолировать виновных, а возможно и невиновных, дабы уберечь окружающих.

Само же убийство ничего хорошего не делает ни с судьями, ни с исполнителями, ни с болельщиками.

Даром это не проходит ни для кого.

Поэтому я и считаю, что применение смертной казни не имеет смысла, если существует другая возможность спасти окружающих.

Алла Борисовна

Память человека имеет свойство убирать в свои дальние кладовые такие вещи и события, которые могут вызывать ненужную тревогу и огорчения. Наверное, это защитная реакция организма.

За долгие годы пребывания в лагере я тоже забыл массу не очень нужных мне вещей и спокойно обходился без них – и в жизни и голове. Но три вещи занозой сидели в моём сознании и, если и не мешали жизни, то устойчиво напоминали о её ущербности.

Я больше семи лет не видел детей, не смотрел телевизора и не ел настоящей жареной картошки по-украински, на сале с луком и шкварками.

Мальчика я встретил в нашей парикмахерской и даже погладил его по голове.

Картошку со шкварками мне специально организовали друзья, нажарив её на сале со свежим луком, а не сушёным, которым обычно нас кормили.

С телевизором проблема была куда сложнее, потому что инструкциями его наличие в системе не предусматривалось.

Но когда я впервые оказался в маленькой конторе на лесобирже десятки, куда меня пару дней назад доставили по этапу, о таких глупостях, как телевизор, я и думать забыл.

В небольшом кабинете сидело человек пять заключённых, и вели обычный для такой ситуации трёп, когда входная дверь резко отворилась, и на пороге появился невысокого роста офицер с майорскими погонами и форме конвойных войск.

Все, естественно, встали, полагая, что он пожелает сесть, и для этого захочет взять чей-то стул. Но майор, кивнув в знак приветствия, оглянулся, увидел в углу деревянную урну, перенёс её к столу и, усевшись на неё, стал о чём-то тихо разговаривать с пожилым вольным десятником по фамилии Гус. Поговорив пару минут, офицер, так же кивнув присутствующим, вышел из кабинета, поставив урну на место.

За свой долгий срок я видел немало офицеров разных званий и должностей. Большинство из них были нормальными людьми без патологических отклонений. Но такой простоты и беспечности я у офицеров никогда не отмечал, потому что расслабляться с урками не рекомендуется, как не рекомендуется этого делать и в гражданской жизни с обычными людьми, чтобы потом не чесать удивлённо свой затылок.

Однако в жизни я уже кое-что соображал, а потому сразу понял, что так может вести себя только очень сильный и уверенный в себе человек, без всяких заморочек и комплексов.

Жулики мне объяснили, что это командир батальона охраны майор Болдин, мужик крутой, но справедливый и порядочный. Рассказали даже историю, как на разводе он подрался, на равных, с одним из заключённых по кличке Вовча и, несмотря на полученный синяк, не позволил наказать драчуна, хотя жизнь заключённого находится полностью во власти конвоя.

Вовча – сорокалетний бесшабашный ростовский босяк и хулиган, провёл половину жизни в лагере и действительно, как он мне сам потом рассказывал, его бурную биографию украшал и такой случай, которым он очень гордился, потому что не каждому после подобного приключения удалось бы остаться живым и здоровым.

Прошло уже около месяца, как я возглавил производство на лесобирже, когда меня разыскал майор Болдин для серьёзного, как он сразу сказал, разговора.

– Марк Михайлович – сказал он после приветствия и дежурных фраз – я знаю, какой на бирже бардак и недостача, но попробуй подумать, может быть, ты сумеешь хоть немного мне помочь. Уже три месяца никто не может решить проблему. Начальство поручило построить в батальоне теплицу, чтобы выращивать овощи для солдат и офицерских семей, но никаких фондов и денег не даёт. А так просто никто ни доски, ни бруса не отпускает, потому что и без этого огромная недостача. Мне для начала хотя бы кубометров пять-десять. Я готов заплатить

и деньгами и продуктами и водкой. Что скажешь, то старшина и привезёт. Подумай, помоги, ну очень тебя прошу.

– Василий Николаевич, пускай ваш старшина привезёт спецификацию, а я всё сделаю и ещё дам пару машин для обмена на стекло и цемент.

– Ну, слава Богу! И что я буду тебе должен? – спросил комбат.

– Да, ничего мне не надо, у меня всё есть, спасибо – и я повернулся, чтобы уходить.

– А в твоём деле написано, что ты хитрый и корыстный человек.

– И правильно написано. Только у нас с тем, кто писал, разные представления о корысти. Для него корысть – это взять и водку и деньги, а для меня – заслужить уважение человека, который мне нравится.

Василий Николаевич посмотрел на меня с интересом, потом улыбнулся и, молча, протянул руку. Мы обменялись крепким рукопожатием.

Маленький, пожилой и шустрый старшина батальона, прапорщик Сидун толково и расторопно руководил немалым подсобным батальонным хозяйством, где выращивались и свиньи и куры и даже несколько коров. Мы сразу поняли друг друга, друг другу понравились и, как это обычно бывает у нормальных людей, подружился навсегда.

Я всё сделал по их заказу, и ещё добавил доски для обмена с другими организациями на нужные материалы и оборудование.

С комбатом мы иногда виделись, говорили о строительстве, работе и других пустяках. Пару раз он приглашал меня пообедать в конторе с принесённым им коньяком и закуской.

Наши отношения были просты и доверительны. Такие отношения иногда складываются между заключёнными и представителями руководства.

Они, как правило, достойны и деликатны. Офицеру не придёт в голову спросить уважаемого им зэка, откуда в зоне водка, как и зэк не станет спрашивать офицера о системе охраны. Эти темы не пересекаются, иначе отношения исчезают, или превращаются в дешёвый жан-дармский фарс. Уважающие себя люди такого в общении не допускают ни в лагере, ни на воле. Есть запретная территория, куда приличным людям вход запрещён. И неважно, ты зэк, или министр.

Теплицу благополучно построили и, не знаю, как на солдатских столах, но у офицерских жён свежие овощи стали появляться.

Однажды в разговоре с комбатом я обронил фразу, что уже тысячу лет не видел телевизор.

– Сегодня я тебе вечером телевизор организую – пообещал комбат.

На подходе к жилой зоне, после съёма, меня отвели в сторону, и сержант сказал, что часовой доставит меня на территорию батальона.

Рядовой восточной наружности пошёл в сторону штаба батальона, а я, не торопясь, поплёлся за ним.

В кабинете комбата находилось четыре офицера.

На столе стояло четыре бутылки коньяка, десяток свежих огурцов и две открытые банки свиной тушёнки.

После того, как офицеры допили коньяк, а я, только пригубив, съел половину тушёнки и огурцов, пришедший из санчасти фельдшер увёл меня смотреть телевизор.

В санчасти я устроился на больничную кровать и уставился в телевизор, не веря в свершившееся чудо.

Программа была одна, но меня всё равно радовали и сводки с полей, и успехи нефтяников, и достижения космонавтов.

А потом запела Алла Пугачёва. Это имя я помнил с 1966 года.

Я часто вспоминал эту робкую, симпатичную девочку, и очень жалел о том, что у неё не задалась карьера.

Потому что она подарила нам пару чудесных песен, одну из которых я часто напевал вместе с девчонками из института по дороге с занятий:

Робот! Ты же был человеком,
Мы бродили по лужам,
В лужах плавало небо.

Это были не те зубодробильные комсомольские песни, которыми нас кормили по радио. Нет! Эти песни перекликались со стихами молодых поэтов, которые переворачивали сознание и звали куда-то в неведомое и свободное:

Что – то физики в почёте,
Что-то лирики в загоне,
Дело не в сухом расчёте,
Дело в мировом законе...

Жалко было девочку с запоминающейся фамилией и приятным голосом.

И вот я, к своей великой радости, почти через десять лет, снова её слышу и вижу. Победившую на каком-то фестивале. Бойкую, красивую и счастливую.

– Ай, да умница! Ай, да молодец! Ну как мне не верить в чудеса и в своё светлое будущее. Вот тебе и телевизор. Вот тебе и Пугачёва. Из прошлого. Из небытия. Ура!

Радио в зоне включалось утром и вечером под надзором замполита. Больше крутили местный магнитофон, чем включали центральные программы.

Я до сих пор не могу слышать, в общем-то, неплохой ансамбль «Песняры», потому что пару лет просыпался под одну и ту же их песню:

Любая Алёна я ж вады баюсь,
Пацалуй спачатку, бо я утаплюсь.

Мои познания в современной музыке отставали на века. Потом я слышал Пугачёву несколько раз по радио. А после уже слышал и видел её много и часто.

Как-то так получилось, что моя вольная жизнь, моя любовь, моя учёба и карьерные успехи продвигались вместе с успешной карьерой теперь уже Аллы Борисовны Пугачёвой. И я считал её для себя талисманом, молясь за её здоровье и успехи.

Через много лет после памятного просмотра телевизора я, по дороге на юг, решил заскочить в Орёл к моему верному товарищу подполковнику Болдину, с которым мы навсегда подружились на севере.

Он командовал какой-то учебной частью и был доволен жизнью.

Вечером, в ресторане, которые я терпеть не могу из-за шумной музыки, девушка на сцене негромким голосом пела песни из репертуара Пугачёвой. Чем-то она мне напоминала Пугачёву-девочку из моей далекой юности...

Я много раз уже слышал эти песни, но девушка так проникновенно их исполняла, что я, вопреки своим правилам, заказывал ей песни ещё и ещё. Потом мы простились в аэропорту и расстались под впечатлением и обаянием пугачёвских песен. Вот так, я и продолжаю жить, наблюдая за карьерой и успехами Аллы Борисовны Пугачёвой.

Я верю в свою звезду, как и в звезду любимой мной великой певицы, которая в трудные для меня дни подарила мне надежду.

Кому на Руси жить хорошо

*Хорошо тому живётся,
У кого одна нога,
Тому пенсия даётся,
И не нужно сапога.*

Частушка советского времени

Выдающийся советский офтальмолог Святослав Фёдоров рассказывал в середине восьмидесятых по телевизору о том, что незрячие инвалиды из «Общества слепых» отказываются от операций по восстановлению зрения, чтобы не потерять положенные слепым выплаты и льготы.

Юрий Иванович Долгополов не имел левой руки, но это его никогда и нисколько не огорчало. Он был уверен, что будь у него обе руки, он давно бы уже погиб или умер от голода. А так, отсутствующая рука была ему пропуском в разряд льготников, и это выручало его на протяжении всей его нелёгкой жизни.

Руку он потерял в сорок втором, в танковом бою, за два часа до плена. Немецкий врач, без наркоза, отрезал всё то, что раньше называлось рукой, и Долгополов отправился с колонной пленных на станцию, откуда их отвезли в рабочий лагерь под Киевом.

За войну Юрий Иванович сменил много лагерей, и везде ему находилась работа для одной его руки. То он таскал уголь в кочегарку, то воду на кухню, то колол одной рукой дрова, и везде ему что-то перепадало сверх скудной лагерной пайки.

После освобождения из плена, его, прямо из Германии, отправили на Колыму, где он тоже все просиженные восемь лет прибивался то к бане, то к кухне, то к санчасти, но ни разу его не отправили на общие работы, где помирали от голода и холода его земляки и товарищи.

Освободили его сразу после смерти Сталина, и Юрий Иванович уехал к себе в село в Херсонскую область, откуда он, двадцатилетний тракторист-комсомолец добровольцем ушёл на войну.

Юрий Иванович женился, нарожал детей, обзавёлся хозяйством, и был доволен своей жизнью, пока не случился пожар на зернохранилище, а его, сторожа, начальство застало спящим и не очень трезвым.

Комиссия обнаружила хищение и умышленный поджог, а потому Юрия Ивановича осудили на четыре года и отправили в колонию строгого режима, как ранее судимого.

Было, конечно, обидно и неприятно, но Юрий Иванович надеялся, как и прежде, перекаптоваться пару лет где-нибудь при кухне или бане, да и уйти по половинке домой, благо статья у него не тяжёлая.

Попав на зону в центре города Винницы на Украине, он с удивлением обнаружил, что там, кроме него, таких инвалидов больше сотни.

А, значит, на всех кочегарок и кухонь не наберётся.

– Ну, буду тогда сидеть в жилой зоне и плевать в потолок – решил для себя Долгополов.

Однако вскоре он понял, что никто не позволит ему бездельничать, и что все инвалиды колотят ящики почти наравне со здоровыми работягами, потому что по закону 3-я группа инвалидности является рабочей.

Другое дело, что на воле, каждый инвалид может подыскать себе посильную работу. Но в лагере таких работ 2–3, а инвалидов набралась почти сотня, потому что собрали их по всей Украине.

А на каждого заключённого спущен план, и будь добр начальник колонии выполни и отчитайся. А не то положишь погоны и партбилет. И в лучшем случае, загонят куда-нибудь на север.

Самая лёгкая работа бить ящики. Но как одноруких и одноногих можно заставить это делать?

Начальник колонии, бывший фронтовик, отказался издеваться над инвалидами. Тогда управление прислало заместителем начальника по режиму ретивого капитана, который заявил, что у него мужики и без обеих рук будут давать по две нормы.

Он собрал всех безруких и безногих и объявил, что все, не выполнившие норму, будут ночевать в изоляторе до тех пор, пока не собьют в день 32 ящика, что и составляет 80 %. Это и так для них большая льгота.

Переночевав пару недель в холодном и голодном карцере, безрукие инвалиды приспособились работать и выполнять план.

Однорукый сбивщик ящиков набирал в рот десяток гвоздей шляпками наружу и, держа в руке молоток, брал щепотью гвоздь и, прижимая шляпкой к рукоятке молотка, вгонял его в дощечку. Гвоздь стоял. Затем с одного удара он забивался по самую шляпку.

Из управления стали ходить проверяющие, и удивляясь такой прыти и виртуозности, доложили в Москву, что есть возможность распространить такой опыт на всю страну.

Но научиться работать одной рукой было ещё полдела.

Главная беда была в том, что заготовки для ящиков поступали нерегулярно и в недостаточном количестве. Хозяйство было плановым, а потому дефицит тарной дощечки был такой же, как и остальных изделий и товаров в стране.

Поэтому главной задачей для инвалидов стала заготовка сырья, которое периодически подвозилось на автомашине.

Сначала нужно было эту машину не прозевать, а потом взобраться на неё и, выбирая нужные пакеты заготовок, сбрасывать их напарнику, который сложит их в кучу и сохранит до прихода товарища. Происходили настоящие сражения, которые ежедневно заканчивались чьим-то падением с кузова и разбитыми лицами.

Позже бригада разбилась на звенья по 4–5 человек, и это уже была сила, способная и заготовить сырьё и защитить себя.

Основная масса как-то приспособилась к существующим условиям, а кто не вписался, то пошёл по кругу лагерных мытарств с изоляторами, БУРами, потерей оставшегося здоровья и, конечно же, права на досрочное освобождение, что тоже для немолодых семейных людей дело не последнее.

Вот в такую бригаду и определили Юрия Ивановича Долгополова, которого сразу все стали называть «Долгорукий».

Поскольку Юрий Иванович не нашёл среди бригадников земляков, то первое время ему пришлось работать одному, что сделало его жизнь невыносимой с самого первого дня.

В конце смены у него было разбито лицо и болела спина от падения с кузова. Сбил он всего шесть ящиков, и был предупрежден начальством, что норму он может не выполнять только одну неделю.

Но к концу недели у него получалось не больше десяти, хотя сбивку он почти освоил. Но нужного количества сырья добыть он не мог, несмотря на то, что бывал каждый день избит до крови.

Шагая всю ночь от холода по камере сырого изолятора (а топить должны были начать только 15 октября, через неделю), Юрий Иванович проклинал свою судьбу за то, что война отняла у него руку.

Ели бы он потерял ногу, то сидел бы сейчас на стуле и колотил ящики двумя руками, а сырьё ему подвозили бы к рабочему месту на тачке. Такая вот была льгота у безногих инвалидов.

А потому это была самая привилегированная публика в лагере, которой, не спавший третью ночь из-за невыносимого холода, Юрий Иванович завидовал, как он никогда и никому не завидовал.

С добрым утром, тётя Хая!

Кто не знал в начале семидесятых в Одессе Сеню Шмушкиса, тот в Одессе не жил. Тот в Одессе прозябал. А кто в Одессе прозябал, тот просто не имел возможности иметь такое счастье, как знать Сеню.

Сеня не ходил по улицам пешком, его нельзя было встретить в шумных цехах канатного завода, и он никогда не появлялся на стапелях судоверфи Одесского торгового порта.

Сеня был завсегдаем лучших одесских ресторанов, ипподрома и тайных публичных домов, коими Одесса славилась всегда.

В друзьях у Сени были самые уважаемые люди Одессы и их жёны, потому что Сеня мог всё. И даже чуточку больше. И ещё чуть-чуть сверху.

Кроме всевозможных услуг, уважаемые начальники и их жёны могли получить у Сени неограниченный кредит, который не обязательно надо было возвращать.

– Какие между друзьями могут быть счёты? Я вас умоляю. Оставьте у себя этих пару копеек.

От всех этих друзей, особенно тех, которые были поставлены следить за соблюдением социалистической законности на вверенной им территории, требовалось всего ничего. Просто не обращать внимания на Сеню и его тайную жизнь, о которой знала вся деловая Одесса.

Сеня контролировал «левую» трикотажную промышленность области, что приносило ему доход, о размерах которого он имел весьма смутное представление. Но, как любили говорить одесские шутники: «Всякому овощу – свой срок».

В журнале «Огонёк» появляется пространная статья с множеством подробностей и фактов, которые впоследствии и легли в основу уголовного дела.

Друзья сделали всё возможное, и Сеню не расстреляли, что могло очень даже запросто случиться. Они заботились о Сене и на протяжении всего срока, который он отбывал в украинских колониях.

Сеня усвоил уроки своего папы, знаменитого одесского ювелира, которого Советская власть неоднократно обирала, и сдал государству весьма незначительную часть своих украденных у родной страны сокровищ, рассовав их предварительно по своим многочисленным родственникам, от Одессы до Биробиджана.

А поскольку исторически сложилось так, что в еврейских семьях не очень принято пропивать или растрчивать чужие деньги, то Сеня смело мог считать себя состоятельным человеком.

К его чести нужно сказать, что и вся его многочисленная родня тоже не бедствовала.

Честно отсидев свою десятку на Украине, Сеня вышел на поселение и был отправлен на север, где я и имел счастье с ним познакомиться.

Это был высокий сорокалетний красавец с квадратным подбородком и исключительно честными глазами, какие и могут быть только у профессионального жулика.

Через пять минут после того, как нас представил друг другу его начальник полковник Седых, я уже читал, любезно предложенную Сеней, статью из Огонька, чтобы, по мнению её героя, я имел представление, с кем имею честь знаться и, соответственно, проникся уважением.

Полковник Седых сказал, что Семён Борисович будет заниматься снабжением, и попросил, по возможности, ему помогать. С полковником нас связывала многолетняя взаимная симпатия, и я пообещал ввести Сеню в «круг».

Несмотря на то, что Сеня не имел права покидать район Управления МВД, начальство посылало его в разные концы страны, чтобы он «решал вопросы». Он даже однажды три дня пробыл в Москве, где вместе с заместителем начальника Управления защищал фонды на сле-

дующий год. У него сохранился паспорт старого образца и набор всевозможных документов, которые он предусмотрительно не сдал при аресте.

Сеня говорил:

– Пока я за ними вожу портфель с деньгами, они меня будут катать везде.

Однажды я встретил Сеню в городе Ухта в вестибюле гостиницы Тиман, где я проживал, пока сдавал зимнюю сессию.

Он поведал мне, что его послали к газовикам и нефтяниками, чтобы он купил у них полушубки, которые в МВД были положены только конвойным войскам. Деньгами нефтяников не удивишь, и Сеня привез с собой десять круглых жестяных килограммовых банок чёрной икры.

По гостинице он шатался вместе с местной знаменитостью, режиссером из Душанбе по имени Алишер. Каким-то образом тот застрял на севере и был кумиром местных наиболее энергичных и свободолюбивых девчонок.

Когда Сеня перекладывал в номере в очередной раз свой чемодан, одна из банок упала на пол ребром и не желала больше закрываться.

Дарить такую банку было невозможно, и Алишер предложил спуститься в ресторан и выпить водки под эту банку.

Они спустились в ресторан вместе с молоденькой девицей по имени Марина, и подсели за столик к мужику, у которого на груди светилась звезда Героя Социалистического труда. Героев на севере немало, и ничего удивительного в этом не было.

Оркестр, заметивший Сеню, прекратил играть танцевальную мелодию, и заиграл для Сени зажигательную «С добрым утром тётя Хая», зная, что пять рублей за это Сеня пришлёт с официанткой.

Они уселись за стол, освободили фруктовую вазу и выложили в неё, на глазах изумлённого героя-нефтяника, килограмм чёрной икры.

Затем Сеня подозвал официантку и, положив ей в карман фартука четвертной, сказал, вспомнив своё одесское барство:

– Вот что, Цыпа, нарежь нам буханку черного хлеба, только мягкого, и принеси килограмм масла и кастрюлю варёной картошки. И водки.

– Сколько?

– Сколько донесёшь. Стой! Отнеси сотку оркестру, пусть играют только мою музыку, а десятку дай Паганини, чтобы приходил сюда за столик играть.

Через пару часов девица Марина за столиком с трудом пыталась удержать равновесие, а мужик-нефтяник нёс всякую околесицу.

И только два наших героя-красавца ещё как-то терпимо держались под еврейскую музыку и рыдания скрипки.

Наконец, с помощью двух парней из оркестра Марину и Ивана Николаевича, как представился нефтяник, утащили в его номер и расположились на отдых рядом за столом.

Закуривая сигару, Алишер достал огромный пистолет-зажигалку, и, прикурив, положил его на стол.

Вышедший из туалета нефтяник, увидев пистолет, перепугался, но Алишер его успокоил, сказав, что они не бандиты, а сотрудники английской военной разведки, прибывшие в Ухту с целью прекратить добычу тяжёлой нефти, путём подрыва шахтного комплекса.

А спящая девушка никакая не Марина, а английская радистка по имени Кэт Гамильтон – капитан отдела диверсий Ми-5.

Поигрывая у носа Героя Социалистического труда пистолетом, оба проходимца начали вербовать несчастного пьяного мужика, а убедив сотрудничать, заставили написать расписку, что он готов к службе в Ми-5 за три тысячи рублей в месяц и банку чёрной икры.

В перечне его заданий было составление карты месторождений, кража платёжных ведомостей с нефтепромыслов и убийство председателя профсоюзного комитета. Мужик, не переставая пить, на всё соглашался и, подписав бумагу, рухнул на пол прямо у стола.

Наржавшись вдоволь над своим остроумием, несостоявшиеся агенты уложили мужика рядом с девицей и отправились спать.

Наутро, привыкший просыпаться рано, независимо от количества выпитого накануне, мужик встал и увидев незнакомую женщину рядом с собой, а также огромный чёрный пистолет на столе, сразу всё вспомнил и запаниковал.

Кое-как одевшись, он выбежал из номера и, проскочив мимо оторопевшей дежурной, помчался прямо в милицию сдаваться.

Выслушав такой бред от, не вполне трезвого человека, который представлялся не иначе, как кавалер Золотой Звезды, дежурный майор отправил, на всякий случай, наряд в гостиницу, который привёз всю честную компанию в дежурку.

Расписку о сотрудничестве отыскивали в номере у Алишера в урне, а пистолет так и лежал на столе. Девицы в номере не было. Она исчезла вместе со звездой героя.

Когда я подошёл к дежурному администратору, чтобы оставить ключ, то услышал от неё дикую историю об английской разведке и аресте моего близкого знакомого.

Я позвонил своему приятелю – директору кирпичного завода, и мы, прихватив по дороге помощника городского прокурора, отправились в милицию.

Ко времени нашего приезда расторопный майор уже выяснил, что Алишер находится во всесоюзном розыске и закрыл его в обезьянник.

Найдя у Сени волчий билет поселенца, майор тоже не был расположен миндальничать. И тут подоспели мы.

Переговоры закончились тем, что вернули Сене только удостоверение поселенца взамен на четыре банки икры.

– И чтобы нашли звезду, иначе дело так не закончится – предупредил майор.

По банке икры получили директор и помощник прокурора, а Сеня остался почти без икры и без денег в моей компании и мужика-нефтяника, который требовал назад звезду.

Появилась Марина и сказала, что отдаст звезду за две банки икры, так как её всю ночь использовали.

Сеня пытался возражать, но она безапелляционно заявила:

– А я не виновата, что вы все кастраты.

Увидев, как легко Марина приобрела икру, нефтяник, прикрепив к пиджаку звезду и окончательно осмелев, заявил, что согласно его расписке, ему тоже полагается банка икры.

У Сени, от такой наглости, отвисла челюсть.

Он попытался вступить в спор, но я твёрдо ему сказал:

– Отдай Сеня, спокойней будет.

Икры у Сени больше не осталось, но и, слава Богу, претендентов на неё тоже не было.

Сеня сидел опустошённый и раздавленный.

– Сеня, пойдём в ресторан, хоть поедим и отвлечёмся.

В ресторане никого не было, и только на эстраде пианист что-то репетировал на рояле.

Увидев Сеню, он во всю мощь своего инструмента заиграл «С добрым утром тётя Хая».

– Марк! Держи меня, или сейчас здесь будет море трупов – заорал Сеня.

Обед был испорчен.

Вор – имя существительное

Господи! Если бы кто-нибудь только знал, как я не люблю Москву. Эту суету, толчею, спешку и равнодушие, которые даже соображать мешают. Если бы не дела, никогда бы сюда не приезжал.

Но больше, чем Москву, я не люблю москвичей. Это ещё из лагеря.

За все мои двенадцать лет я дружил только с двумя москвичами. С другими же москвичами мне всегда было сложно, потому, что они считали, что знают обо всём на свете. А это не только скучно, но и опасно, ибо они вечно попадали в какую-нибудь халэпу, как говорят на Украине о неприятных приключениях.

Потом, уже на свободе, я встречал много достойных и интересных москвичей, но внутри навсегда осталось лагерное представление о них.

Но больше, чем Москву и москвичей я не люблю вечерние рестораны.

И когда мой приятель Аркадий, вместо картошки с селёдкой под пиво и хорошую беседу дома, предложил поехать в крутой ресторан на его новой «Волге», восторга я не выразил.

Ресторан оказался действительно неплохим, и кормили вкусно, но то, что происходило на эстраде, повергало меня в уныние.

Четыре девицы в купальниках совершали телодвижения, а долговязый парень в канотье сопровождал этот странный танец приклатнёнными песнями.

Я эти песни и в лагере не слушал, а слушать их на воле совсем уже лишнее.

Самым неприятным было то, что музыка и пение заглушали наши разговоры.

За моей спиной сидели две семейные пары, по виду учёные или крупные начальники.

Наконец музыка затихла, и сидящий за мной человек, подозвав официанта, сказал:

– Землячок, будь добр, передай этому Карузо четвертак, пусть прекратит петь эту лабуду.

Текс, интонация и порядок слов выдавали бывшего сидельца. Да и голос показался мне знакомым. Я оглянулся. Это был Саша Дубина. Он тоже узнал меня.

Мы обнялись и вышли в фойе поговорить.

Аркадию и его жене я представил Сашу как учёного-физика из Дубны.

Саша сказал, что его четвертак закончился уже давно, и он с тех пор живёт в Москве, имеет цех ширпотреба при психбольнице. Чахотку подлечил, женился. Так что всё терпимо.

...Туберкулёзный барак стоял в углу жилой зоны, и был огорожен колючей проволокой. Несмотря на открытую калитку, движение через неё было небольшим, потому что остальные сидельцы, да и надзор с охраной, ходить сюда опасались, боясь заразы.

Но уважающие себя парни ходили без всякого, потому что такие мелочи как заразные болезни не входили в перечень их забот и опасений. К тому же пренебрегать хорошими людьми из-за их заболеваний для путёвого хлопца невыносимо.

В кругу чифристов мог сидеть и «тубик» с кровохарканьем, и сифилитик с язвой на губе. Банка с чифиром шла по кругу без всяких задержек.

Причисляя себя к определённому кругу, я тоже придерживался присущих этому кругу правил и норм, а потому пропадавал у тубиков довольно много, потому что обзавёлся там и друзьями, и приятелями.

Жил барак весело и сытно. Крутились большие деньги, водка и анаша. Дым стоял коромыслом, но только настоящий дым и мешал мне, потому что за всю мою жизнь курить я так и не научился.

Почти каждый день кто-нибудь умирал, но это никого не отвлекало от дел, коими каждый был занят. Повсеместно шла игра в карты и нарды, рекой лилась водка и ходили по кругу полулитровые банки с чифиром. Весело...

Саша Дубина держался особняком. Не то, чтобы он отделялся от компании.

Это было невозможно. Он просто внутренне был закрыт. Не смеялся, а улыбался. Не кричал, а тихо и неторопливо говорил. Выглядел он очень представительно. Был высок, красив и прекрасно сложен.

Уже потом, много позже, я понял, что он походил на актёра Михайлова из фильма «Мужики».

Рассказывали о нем легенды. В прошлом вор, один из самых авторитетных, в стране. До сих пор не написал отказа. Скрывается за болезнью и не лезет в калашный ряд. Считает себя обычным мужиком.

Говорили еще, что на нём немереное число трупов, то ли сорок, то ли пятьдесят, после «сучьей войны», поэтому ему не приводят срок в соответствии с указом от 1961 года, когда на усмотрение администрации четвертаки снизили до пятнадцати.

А ещё рассказывали, что Саша Дубина разоблачил и подвёл под нож авторитетнейшего вора по кличке Дипломат, которого боялся весь Север.

Сам Саша о себе ничего не рассказывал, но о нём постоянно шептались и жулики и администрация.

На момент нашего знакомства сидеть ему из двадцати пяти оставалось лет пять-шесть.

Подружились мы по-настоящему на больничке, куда я попал с язвой, а Саша периодически подлечивал лёгкие. Гуляли мы часами по дорожке, обсуждая житейские дела и вселенские проблемы.

Однажды я предложил ему написать в Москву пару кляуз, чтобы попытаться сократить хотя бы пару лет из его срока.

– Ты не представляешь, что у меня там понаписано. В Москве в обморок упадут. Хоть бы по концу срока отпустили.

– На тебе действительно висит гора трупов?

– Вагон и маленькая тележка. Как-нибудь расскажу.

Но рассказать не получилось. Сначала не было настроения, а потом забыли.

Уважающие себя люди не очень любят копаться в чужом прошлом. И без этого понятно с кем имеешь дело. А любопытство не самое почитаемое в лагере человеческое качество.

...Теперь же мы сидели в вестибюле московского ресторана и нас уже не связывали никакие лагерные порядки и нравственные установки. Мы были два уважаемых, неплохо обеспеченных, гражданина, обременённые обычными житейскими и семейными заботами.

Я уже начал делать свои записи в тетрадях, а потому деликатно напомнил Саше его давнее обещание рассказать о своих приключениях в эпоху «сучьих войн» в послевоенное время.

И Саша начал свой рассказ:

– За всю свою жизнь я не только никого не зарезал, но и не украл ничего.

Я работал учеником токаря на заводе после школы и, как все городские пацаны, шkodничал по Москве. Однажды, после очередной драки, мой дружок стянул с пьяного часы и забрал бумажник. Мужик оказался полковником авиации.

Нас четверых повязали и дали от десяти до двадцати пяти.

Мне одному из всех уже было восемнадцать, поэтому и дали больше всех, хотя ни часов, ни денег я и не видел.

Ещё в тюрьме я прилепился к ворам. Во-первых, к кому-то нужно было примкнуть, чтобы уцелеть, а во-вторых это были москвичи из нашего района. За них и держался. Приняли меня уважительно, потому что держаться достойно я умел. На зоне тоже был с ворами.

Когда на Микуньской пересылке менты стравили воров с суками, и сук перерезали, вору отправили меня и ещё одного парня, тоже с четвертаком на вахту, чтобы менты могли закрыть дело.

А то могли выдернуть любого. А нам терять нечего. Просто добавляют снова до двадцати пяти.

У самих воров статьи, обычно, были лёгкие и срока небольшие.

– Идёшь на этап воров – сказали мне на сходке.

И хотя я ни по каким данным и понятиям на вора не тянул, к этому времени воров уже так потрепали, что было не до особого выбора. Я был уважаемым в воровской среде парнем, хвостов у меня не было, и был, что называется, крепким мужиком. Так я стал «вором в законе».

В те времена у ментов была практика, долго на одной зоне людей не держать, поэтому я кочевал по зонам, везде имея хороший воровской авторитет.

Однажды я попал на воровскую зону, где было человек двадцать воров. В основном молодняк. Из старых воров были только двое: парализованный дед, по кличке Старик и сорокалетний москвич по кличке Дипломат. Старик лежал в санчасти в отдельной палате, а Дипломат вершил на зоне все дела. Был он не по делу и беспричинно жестоким.

Любая сходка кончалась чьей-то смертью. Он так мог убеждать, переворачивать разговор и загонять в угол несогласных, что ему почти всегда уступали, чтобы самим не попасть под нож.

Старик, у которого в палате обычно и собирались, бросал свою палку от злости и возмущения, но ничего не мог противопоставить искусству и жестокости Дипломата, который, почти всегда, требовал чьей-то смерти.

Я тоже старался не высовываться, потому что красноречием никогда не отличался, а боялся Дипломата, как и все остальные. Но однажды произошло событие, которое и мою жизнь поставило на грань. Дело в том, что у Дипломата был свой личный «петушок» москвич Славик, которого пользовал только он сам. Никто прикоснуться или обидеть Славика не посмел бы. Обычно Дипломат водил его в баню, где они и запирались вдвоём.

Как-то вечером меня подловил пацан, по имени Дима и сказал, что ему надо со мной поговорить один на один.

От того, что он мне рассказал, я чуть не упал в обморок. Оказывается Славик, с которым Дима дружил ещё в Москве, рассказал ему, что это не Дипломат его имеет в бане, а он Дипломата, который под страхом смерти держит при себе Славика в качестве тайного активного любовника.

Говорить об это Славик боится, так как пока дойдёт до выяснений, его просто зарежут. И он просил Диму рассказать это мне, потому что остальных боится. Дима сам в панике, от того что узнал эту тайну.

Что делать? Рассказать? А вдруг это провокация самого Дипломата.

Промолчать? Тоже спросят. На вора льют чернуху, а я промолчал и не спросил с клеветника. Куда ни кинь, везде нож маячит. Что делать?

Иду к Старику. Рассказал.

– А я-то смотрю, что у него не воровская жестокость. Точно, педераст! Теперь тебе, Дубина, надо всё так обстричь, чтобы нам всем под нож не подставиться, а то эта сука и с чужого хрена себе прибыль выкрутит.

Короче, собрал я пять человек, кому мог довериться. И договорился со Славиком, что он втихаря откроет задвижку в бане.

Славик сам трясётся. Ему и под нож не хочется и петухом оставаться в глазах всей зоны невозможно.

В общем, тихонько босиком входим в баню и включаем свет.

А Славик как был в позе, сзади Дипломата, так, не вынимая, обхватил его руками и держит. Тот вырывается, извивается, а сорваться не может.

Тогда он поворачивается в нашу сторону и заявляет:

– Вам эти сучьи провокации не пройдут, педерасты!

От такой наглости все растерялись, а Славик разжал руки.

Эта тварь хватает кусок стекла и прёт на нас размахивая. И тут уж я не растерялся, схватил трап с пола и врезал ему по башке.

Принесли Старика из санчасти и тут же, на сходке, постановили: Дипломата резать.

А он очухался и нам заявляет:

– Какие же вы после этого воры, если педераста на сходке обсуждаете, да ещё и резать постановляете. С вас же за это потом воры и спросят.

Мы аж ахнули. И тут, сука, вывернулся. Ну, Дипломат, одним словом.

Что делать?

Старик и говорит:

– Пусть фраера ему по вене какую-нибудь гадость запустят.

Все воры ушли, а пацаны ему керосин со слюной по вене запустили, он и издох.

Вся зона вздохнула с облегчением, а я стал героем лагерных легенд, потому что Дипломата знали и боялись по всему Северу. Вот такие скорбные дела, Марик...

Так закончил Саша свой рассказ.

Мы ещё немного поговорили, выпили на прощанье, обнялись и больше никогда, в этой жизни, не встречались.

Овчарка

Когда она шла по асфальтовой дорожке мимо штаба в сторону санчасти, вся зона замирала.

Выше среднего роста, в строго подогнанной майорской форме, на высоких каблуках, делающих ее вызывающе привлекательной, она не шла, а плыла, пожираемая плотоядными взглядами заключённых, которых она воспринимала не более чем как биологическую массу.

Крашенные в золото волосы и ярко-красная помада на полных губах возбуждали мужской контингент зоны сильнее, чем любая Мэрилин Монро. Она не скрывала, что ей нравится проходить сквозь строй «голодных» мужчин, но никогда и никого своим взглядом не удостаивала.

На приёме в кабинете санчасти, куда она приходила на пару часов, она была сухой, вежливой и профессиональной.

Как правило, в коридоре сидел офицерик, чего в других местах не встречалось.

О её любовных похождениях ходили немыслимые легенды.

Было ли это правдой, или обычным для такой ситуации трепом, неизвестно, но то, что её боялось всё местное начальство, а зэки из-за нее гребились по изоляторам и БУРа́м было известно доподлинно.

Какие у неё были покровители неведомо, но она ни с кем из начальства не считалась. Это было заметно даже последнему из сидельцев.

После ранения, моя левая рука всё ещё плохо слушалась, болели почки и я, чтобы отмазаться от работы пошёл к фельдшеру на приём.

Больше, чем на день освобождения он не давал, и я вынужден был записаться к ней, понимая, что могу отправиться прямо из её кабинета на «цугундер», как старые урки именовали изолятор.

Она долго читала мою историю болезни, время от времени поглядывая на меня, потом закрыла её и уставилась на меня как на чучело в холле зоопарка.

– Ну, и о чём же мы думали, когда собирались в побег – во взгляде её было любопытство и презрительное недоумение.

– Тогда думал о многом, а сейчас думал бы только о вас – ответил я, не задумываясь, и посмотрел на неё, как посмотрел бы на пожилую учительницу географии.

Это её смутило. Обычно её или боялись, или жёстко хамили. Я же просто разговаривал. Зона находилась в центре города Винницы, народ сидел малосрочный и, в основном, пришибленный. От разного рода отрицаловки начальство быстро избавлялось, заставляя надевать красную повязку, или устраивая мориловку с последующим этапом.

Я попал туда случайно, из-за ошибки судебной канцелярии. Впрочем, тоже ненадолго. Такие экземпляры, видимо, ей ещё не попадались.

Выглядел я, как студент старшекурсник гуманитарного вуза, ничего уголовного в моей внешности не наблюдалось, вёл я себя просто и естественно, и групповой побег на машине со стрельбой, заложниками и ранениями, о котором гудела тогда вся Украина, со мной явно не вязался.

Но она была дамой не робкой, и смутить её надолго одной фразой было непросто.

– Вы что, так и влюбились в меня с первого взгляда? – разговор был ей явно по душе, потому что казался для неё привычным и беспроегрышным.

– Да, нет, я люблю другую женщину, просто растерялся от вашей красоты, раньше думал, что таких не бывает – говоря это, я был прост и искренен.

– Это я накрусила – засмеялась она, и доверительно положив на мою руку свою, добавила, – я вам, наверное, уже в матери гожусь – шар покатился в мою сторону, и она ждала, как я выкручусь из её материнской искренности.

– Таких женщин материнство не портит – я смотрел ей прямо в глаза.

– А вы наглец, вам не в то место пуля попала – она вопросительно посмотрела на меня, и мы оба весело рассмеялись.

В кабинет заглянула медсестра, наверное, подумала, что её грозная начальница смеётся от щекотки. Видимо смеялось она не часто.

– Приходите в среду, будем делать руке массаж и подберём процедуры. Придёте?

– Доктор, можно я расскажу вам анекдот?

Она насторожилась.

– Вернее притчу. «Упал грузин в глубокий колодец, никак не выбраться. Проходивший мимо другой грузин спрашивает его: Кацо, ты подождёшь пока я сбегаю в село за верёвкой? Подождёшь? А что же мне де-е-елать? – возопил несчастный».

Она захохотала:

– Я боялась, что вы расскажете пошлый анекдот и всё испортите.

– Может быть я испорчу вам жизнь, но пошлого анекдота вы от меня не услышите.

– А вы опасная штучка.

– Мадам! Я ещё хуже.

– Вы совсем не боитесь меня?

– На ваши погоны мне плевать, а вы, хоть и стерва, но умная, а умным я всегда нравился.

– Другой бы уже сидел за это десять суток, а то и больше.

– Другой бы вам такого не сказал, а не посадите вы меня, потому что вам со мной интересно и приятно – и я ушёл не прощаясь.

Я был доволен собой и предвкушал уже счастливые неприятности.

В следующий раз она была сама обходительность, но я чувствовал, что она приготовилась меня покусать, и был настороже.

– Признайся, что ты всё время обо мне думал? – не глядя в мою сторону, сказала она.

– Ты мне даже приснилась – я отметил, что мы уже на ты.

– И в каком же виде, если не секрет? – посмотрела она лукавым взглядом.

– Не секрет, я читал тебе свои стихи.

– Так ты ещё и поэт – сказала она обречённо, но ехидно.

– Ну, поэт это слишком ответственно для моей легкомысленной натуры, но бабам нравится. И тебе понравится.

– Я разбираюсь в поэзии и сама иногда пишу.

– Если тебе не понравится, то ты меня сегодня не поцелуешь:

Ты оборотнем в жизнь мою вошла,
И я, уже предчувствуя опасность,
Уверен, принесла тебя метла,
Хоть и не верил в эту несуразность...

– Ты меня считаешь ведьмой?

– Ну не ангелом же тебя считать?

– Скажи, а какая та женщина, которую ты любишь.

– Настоящая.

– А я!?

– Ты хочешь выглядеть, а она хочет быть. Она меня презирает за то, за что ты будешь любить.

– Ты уже решил, что я тебя буду любить; не много ли берёте на себя юноша?

– Господи! Да мы же с тобой одного поля ягоды. Ты же всю жизнь ждала меня. Только со мной ты и можешь разговаривать как с зеркалом.

- Почему же ты любишь другую.
- Потому, что, в отличие от тебя, я себе таким не нравлюсь.
- А каким ты себе нравишься?
- Ну, не то, чтоб нравился, но терплю себя лагерного, где прежде, чем сказать, нужно крепко подумать.
- Ты хочешь сказать, что со мной ты не думаешь?
- Думаю, но не мозгами.
- Возникла пауза. Я спросил:
- Ты не боишься со мной тут долго сидеть, да ещё с лейтенантом в коридоре?
- Это они меня все боятся, потому что я скоро буду женой замминистра.
- Ну, ты, мать, даёшь!
- А что ж? Пора остепениться, у меня уже дочь взрослая.
- И что, твой дурак-министр?
- Зам. Он не дурак, он хороший. Уже десять лет упрашивает ехать к нему в Москву, а я хочу всё официально. Вот он там и крутится с разводом. Слушай, я тебе рассказываю, как будто мы сто лет подруги. С чего бы это?
- Мне женщины верят. Я им не лгу. А во-вторых, вижу их сквозь шелуху.
- И что же ты видишь во мне?
- То, что ты ревьешь ночами в подушку.
- И ты меня жалеешь?
- Ту, которая ревьёт. Кстати, как тебе моё стихотворение?
- Проверю, если не содрал, буду должна.
- Обижает, мать.
- Ты подчёркиваешь мой возраст.
- Да нет, это я ёрничаю от смущения.
- Я сама себе удивляюсь, я эков никогда за людей не считала. Я вообще мало с кем по-дружески общаюсь. А тут чёрт те что, сроку конца не видно, а ведет себя, как директор Советского Союза.
- Это потому, что мне терять нечего, и на свободу я любым путём не рвусь. Мне и здесь весело. Скажи, этот лейтенант, не твой любовник?
- А что, хорошенький.
- Ты, даёшь! Ты со мной и спать при нём будешь?
- Ничего, крепче будет любить.
- Ну, ты и курва, как в такую можно не влюбиться? Так и хочется тебя задушить.
- Колготками, я где-то читала. Послушай, а за что у тебя такой срок огромный.
- Да за растрату.
- Она обошла стол, наклонилась и поцеловала мой лоб:
- Не ври, ради бога... Уходи уже, горе моё.
- Когда я вышел в коридор, лейтенант встал.
- Счастливо земляк – по-доброму попрощался я.
- Физиотерапевт из городской больницы занимался моей рукой, нефролог лечил мои почки, а в промежутках, мы наслаждались с ней болтовнёй. Наш трёп иногда переходил в нормальный разговор, но долго на нём мы удержаться не могли, и нас всё время заносило на игру, от которой мы начинали уставать.
- Меня вообще-то от мужиков тошнит – сказала как-то она.
- А как же весь этот эротический маскарад?
- Это мой способ жить и добиваться всего, чего хочу; отчим с двенадцати лет приучал меня к этому. До сих пор вспоминать жутко.
- А я, дурак, всё жду, когда ты сама ляжешь.

– Тебе совсем плохо, да? Впрочем, что я, дура, спрашиваю – она выглянула в приёмную, где сидел её офицер Саша, и закрыла дверь на ключ.

Потом стала передо мной на колени и расстегнула мои брюки...

– Ну что легче стало? – она отвернулась к окну, подкрашивая губы.

– Спасибо, ты настоящий друг – мне было неловко.

– Хоть сейчас не издевайся надо мной. Интересно, как ты про себя меня называешь? Наверное стерва или курва? Скажи, мне приятно, когда ты меня оскорбляешь. Курва, да?

– Если бы всё было так просто. У меня и язык не поворачивается тебе сказать.

– Ну, скажи, пожалуйста! Ну, я даю тебе слово, что не обижусь. В конце концов, я сегодня заработала.

– Не забудь, ты дала слово. Овчарка Менгеле.

Она прижалась ко моей спине грудью и положила руки на плечи:

– А что такое менгеле?

– Кто. Это доктор из Освенцима, которого разыскивают все разведки мира.

– И ты меня считаешь такой низкой тварью?

– Я тебя люблю – сказал я серьёзно, а поэтому нам пора прощаться. Буду проситься на этап; к тому же менты меня напрягают насчёт красной повязки. Пока по трюмам не затаскали, надо сваливать.

– Они сделают так, как я им скажу, не волнуйся.

– Не оскорбляй меня, Лена, не могу я жить по милости женщины, даже такого друга, как ты, ещё привыкну.

– Ты впервые назвал меня по имени, Марк! Дождись, хотя бы, пока я уеду в Москву.

– Вот они на мне и отыграются за все свои унижения. Твой Саша первый. А так, я их быстро заставлю от меня избавиться.

– Так они тебя и испугались!

– А я сочиню на них клязу в КГБ.

– О чём?

– Это неважно. Изощёрённый мозг битого фраера придумает такую дурь, что они будут рады на ничью.

– Господи! Как бы я хотела, чтобы ты был рядом. С тобой я пытаюсь себя уважать. Мне так просто и легко с тобой.

– Я не могу быть рядом с женщиной, потому что я мужик, и это она со мной должны быть рядом, а вот помнить и молиться за тебя буду всегда. Может, тебе немного легче будет жить на свете.

Пока гуляла моя жалоба, шли разбирательства, и формировался этап, мы общались почти ежедневно и она меня лечила...

Каждый раз она находила время и возможность «снять с меня напряжение», и каждый раз нам обоим было неловко и как-то стыдно после этого. Любовников из нас явно не получалось. Мешало возникшее между нами доверие.

Я уже сидел в «воронке» для поездки в «вагон-зак», когда меня вытащил наружу конвой и Саша, её лейтенант, передал мне мешок с продуктами, сказав шёпотом, что в мыльнице пятьсот рублей. Больше ни с ней, ни с Сашей я никогда не виделся, но редкий был в моей жизни день, чтобы я о ней не вспоминал по-доброму и с печалью.

...В жалобе, адресованной КГБ, я обвинил начальство колонии в том, что они, наверное, похищают деньги, выделенные на наглядную агитацию, и поручают заведомым бездарям рисовать уродливые портреты вождей революции и членов Политбюро. А враги советской власти устраивают под этими портретами сходки, где издеваются над самым святым, что есть у советского народа. Если не будут приняты меры, я обещал написать в ЦК КПСС.

Приехал из винницкого областного КГБ майор Кронов, и я ему показал действительно не лучшего качества, картины, до которых никогда и никому не было дела. Майор был мужик умный, понимал, что формально я прав, и как ещё на это посмотрит вышестоящее начальство, неизвестно. Он спросил, зачем я гоню эту дуру. Я объяснил, что хочу свалить на этап без приключений.

Он дал мне слово и выполнил его.

А говорят, что от КГБ был только вред.

Воровская честь

«Воровская честь не позволяет»... Это выражение Славка Туляк употреблял довольно часто. Говорили, что в прошлом он был «вором», но уже лет пятнадцать, как жил простым «мужиком».

В брежневское время воров уже не было, и только однажды в туберкулёзном бараке я встретил нескольких воров-прошляков, которые потихоньку вымирали.

Более конфликтного человека, чем Славка Туляк, я в жизни не встречал. Среди уважаемых людей такие – большая редкость.

Славку многие боялись, потому что заводился он с пол-оборота и шёл всегда до конца, что не предвещало оппоненту ничего хорошего.

Во рту у него не было четырёх зубов, которые он сломал, укусив от бессилия, металлическую дверную решётку, когда в БУРе медсестра обозвала его козлом.

В карты с ним играть садились лишь самые отчаянные или глупые, потому что, играя, Славка создавал крайне нервную обстановку, которая деморализовала партнёра и не давала возможности думать об игре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.